

Стемнело. Солнце утонуло далеко в Море Гроз, а над Робертом нависли Сизые Горы. Балоур звонко цокал по мощёной дороге, изредка всхрапывая от вида вылетающих из кустов птиц. Конь чувствовал себя беспокойно, как и его наездник. Впереди Роберт видел лишь мрак, окутавший лес, он не был похож на темноту ночи. Даже потоки силы содрогались и извивались, обходя стороной Изумрудный лес. И что это могло значить, ведомо лишь Вселенной.

Роберт съехал в сторону. Спешился, оставляя меч у седла. По эту сторону реки ему ничто не угрожало, даже дикие звери здесь были иными. Монах прошёлся вдоль деревьев, собирая ветки и алые ягоды шиповника. Разведя костёр и окунувшись в его теплоту, он наконец почувствовал голод и невыносимую жажду.

Покопавшись в походной сумке, он извлёк вяленое мясо, чёрствыe хлебцы, воду и скудный запас подгнивших овощей, которыми поделились селяне на пути в Антрос. Роберт усмехнулся, раскладывая еду. Он впервые мог вздохнуть спокойно, осознавая, что вскоре, возможно, может встретить свою дочь, живую и здоровую. Роберт надеялся, что поиски будут успешны.

Однако чем больше он уверял себя в том, что всё будет хорошо, тем больше сомнений зарождалось в душе, где ширилась нетерпеливость, так несвойственная его вечному спокойствию. Сдерживая душевные порывы, Роберт старался перевести свои мысли на просьбу Ваены.

— Как давно это было, — улыбнулся Роберт, перемешивая веточкой бурлящую в котле воду.
— Как много мы обрели, — вдруг омрачилось его лицо, — и как много потеряли...

Он вдохнул полной грудью свежий воздух, доносившийся ветерком из Изумрудного леса. Мужчина всегда замечал, что только здесь возможно надышаться. Этим воздухом хотелось наслаждаться. Перемешанный со сладковатым запахом цветов и сырости, он казался волшебным.

— И всё же, — продолжал говорить он, глядя в костёр, — мы не потеряли воспоминания друг о друге. Я помню, как мы плясали у Вечного Древа, и торнадо, от которого ты меня спасла... Боги! Я говорю сам с собой! — опомнился Роберт.

— Нет, — певуче произнёс до боли знакомый голос.

— Ваена?!

Из мрака, окружавшего костёр вышла невысокая стройная женщина в прозрачном белом платье. Она скользнула над травой и стремительно прильнула к Роберту. Её объятия согрели продрогшее тело, а нежность — душу. Запах её волос и желтоватого тела ударил в нос тысячей сладких ноток растений.

— Но ты ведь мертва... — прошептал он, не замечая в голосе удивления.

— Да, — печально произнесла она, но Роберт почему-то продолжал прижимать её к себе, такую родную и... тёплую.

— Я очень скучал, — произнёс мужчина, едва сдерживая слёзы, — ты ведь знаешь. Как жаль... очень жаль, что я тебя потерял! Но почему?

Ваена пожала плечами, вглядываясь золотыми глазами в его голубые. Роберт улыбнулся, так печально, но в то же время облегчённо.

— Помнишь, мы бродили по песку у реки? Мы так смеялись, так радовались! Почему именно я, Ваена? Из десяти человек, ты спасла лишь меня...

— Ты достоин.

— Ты говорила это, родная, много раз... — грустно произнёс он, поглаживая её изумрудные волосы, в глазах блеснули грусть с пониманием. — Ты так немногословна... Похоже, я сплю.

Ваена кивнула головой, не отрывая печальных глаз. Роберт вздохнул, прижал её к груди:

— Вместо кошмаров мне снишься ты... Прошу, не уходи до рассвета, пусть этот сон будет самым приятным за все двадцать лет.

Они долго сидели у костра. Роберт не умолкая рассказывал ей о своих переживаниях, вспоминал их свидания и незабываемые звёзды, что светили им по ночам. Он всё боялся проснуться и так спешил, что порой перескакивал с одной темы на другую. А Ваена всё поглядывала на него и, словно понимая порывы человеческой души, держала его, отгораживая сладкий сон от надвигающейся жуткой реальности. Но всё же солнце неумолимо поднималось над горизонтом...

Первые лучи коснулись лица Роберта. Медленно открыв глаза, мужчина заметил, что лежит на земле с куском хлеба в руке. Печаль проникала всё глубже в душу. Он чувствовал разочарование и смятение, боль утраты и страх перед неизбежным.

Спешно перекусив, Роберт взобрался на Балоура и, сорвавшись с места, помчался вниз по склону, оставляя за спиной высокий кряж Сизых Гор. Душа его трепетала как сердце скакуна, боявшегося больного леса.

Деревья становились всё ближе. Наконец можно было рассмотреть прекрасные леады. Высокие, с широкой кроной и белыми стволами, они величественно возвышались вдоль северо-западного побережья Ас'Огар, подпитываемого Синью, выбросившей небольшую речушку между гор.

Взгляд Роберта коснулся огромного пятна, более похожего на почерневшую кучу мусора, разбросанную на берегу. Направив Балоура чуть севернее, он стремительно приблизился к озеру, застыв на невысоком холме.

В нос ударил резкий запах протухшей рыбы. Повея носом, Роберт спрыгнул с коня и, быстро сбежав с холма, остановился у раскрытого помутневшего глаза Стража Озера.

Впервые в жизни он видел это существо с длинными склизкими отростками вдоль огромной головы. Изначально существо было похоже на огромного осьминога, но если приглядеться, то станет ясным, что это никто иной, как абок — кочующий по подводным тоннелям монстр, считающийся ближайшим родственником кракена.

Роберт содрогнулся от отвращения. Вид мёртвого стража не вызывал как приятных впечатлений, так и мыслей касательно остальной части леса. Оглядевшись по сторонам, мужчина подбочился и прикинул, какие чары использовались для уничтожения подобного существа. В голову ничто не лезло, хотя и понятно, что это сродни некоему проклятию, упавшему на весь Изумрудный Лес и его окрестности.

— Приветствую тебя, Роберт! — вдруг послышался мужской холодный голос позади.

— Здравствуй, Метроат, — узнав этот голос, поклонился монах, разворачиваясь, — сын Дороата. Рад видеть тебя!

Высокий ас'гул с надменным выражением узкого лица и заплетёнными в косу изумрудными волосами стоял рядом с конём Роберта, придерживая того за поводья и поглаживая пышную гриву. Шитые золотыми и сиреневыми нитями рубашка со штанами, игриво отражали лучи яркого солнца. За правым плечом мужчины покоился лук и стрелы.

— Ты к моей сестре?

— Скорее к тому, что от неё осталось, — с грустью ответил Роберт, поднимаясь на холм.

— Принц, ты один?

Метроат коротко кивнул. В золотистых глазах читалось волнение, скрываемое за высокомерным взглядом. Принц нервно оправил поднявшуюся рубашку, развернулся и пошёл в сторону леса.

— Роберт, мой народ в беде, — медленно произносил он, не отпуская поводьев Балоура. — Как видишь, болезнь не в самих ас'гул, она в природе, что по эту сторону Сизых Гор. Не знаю, проделки ли это Исодама, либо проклятие, насланное на лес... В любом из случаев, отец шепчет, что мы должны обратиться к Создателю.

— Это нереально, — догадался Роберт, шагая следом.

— Именно, — останавливаясь у опушки леса, ответил Метроат. — наших сил, даже с отцом и Древом не хватит, чтобы проделать дыру в оболочке Эксилон. Но это...

— Это чревато ги...

— Не перебивай меня, хан! Мне не важно, сколько погибнет существ! — вдруг вышел из себя принц. — Мне важен результат, Роберт! Если мы не пойдём на это сейчас — десятки тысяч ас'гул умрут в страшных муках!

— Очевидно, тебе плевать на остальной мир... — усмехнулся монах. — Но мне не всё равно! Последствия, которые вызовут эти действия — ужасны!

Метроат с презренной ухмылкой взглянул на Роберта, поджав нижнюю губу. Перебирая в голове подходящие слова, он некоторое время молчал.

— Тебе ничто не угрожает, как и «остальному миру», на который мне действительно плевать!

— наконец сказал принц. — Завтра ночью оболочку пробьют два небесных камня. Мне нужно, чтобы ты удержал ту брешь, покуда мы отправляем сигнал. Всего-то!

Роберт скрестил на груди руки, правая бровь медленно поползла вверх. Его удивляла наглость Метроата, но сказать этого он не мог — как ни крути, он чужак в этом царстве.

— Ты чем-то недоволен? — задрал нос, спросил принц.

— Прошу простить... но да. Я пришёл не помогать Ас'Гуладу, мне нужно явиться к Ваене и провести церемонию «погребения»... или как вы это называете.

— Ты всё успеешь, — властно бросил Метроат, подзывая кратким движением руки неизвестно откуда взявшихся стражей леса. — Проведите нашего гостя короткими путями к Ас'Тиону.

Стражи отсалютовали и, быстро оседлав скрывавшихся в одном из оврагов коней, выжидаяще взглянули на Роберта. Метроат, не опуская золотистых глаз, указал монаху на Балоура, а затем на отряд.

— Езжай, хан. Лес поможет твоему коню мчаться без усталости. К вечеру вы уже будете в Ас'Тионе.

Роберт снова поклонился и отошёл от собеседника, не поворачиваясь спиной. Уткнувшись в Балоура, монах быстро запрыгнул в седло и, сорвавшись с места в галоп, бросил неуверенный взгляд на сопровождающих.

Всадники мчались между деревьями и высокими кустами, неведомо как находя пути и тайные тропки. Каждый ас'гул с рождения знал свой лес и не терялся между двумя одинаковыми леадами, но Роберт даже не успевал запомнить пролетающие мимо глаз картины оврагов и рытвин, лугов и опушек. Он даже толком не управлял конём, и единственное, что ему оставалось — погружение в печальные мысли, глубокие, словно сон. Чем больше он тонул в них, тем заметнее всё вокруг меркло, покуда вновь не загорелось буйными красками.

Ваена стояла перед ним всё в том же платье. Не сразу осознав, где они оказались, Роберт на мгновение опешил. Женщина медленно подплыла к нему и с той же нежностью обняла, целуя в губы.

— В этот раз ты не сон... — заметил Роберт. — Я в сознании, но мой разум не должен создавать этих видений.

— Нет, Роберт, не сон! — прозвенела она. — Каждый умерший становится частичкой леса, проводником для молодых росточков. Я — призрак и рада, что Дороат отпустил меня присматривать за тобой.

— Значит, ты сможешь ответить на мои вопросы?

Ваена неуверенно кивнула. На её вытянутом лице с блекло-золотистыми глазами появилась улыбка. Женщина взяла его за руку и повела туда, где раскинулась цветочная поляна, залитая солнечным светом.

— Как давно ты... скончалась? — чувствуя, что вопрос неуместен, всё же спросил мужчина.

— Начало второго месяца вашего лета.

Роберт резко остановился, глядя на неё. Пальцы сами собой разжались, а в голове зародилась новая, более пугающая мысль. Прошло почти полтора месяца, а узнал он только две недели назад. Но почему так долго тянул Игнациус с письмом? Почему он отдал его только сейчас, ведь от леса до монастыря под Веднусом полторы недели пути?! Что если?..

— Правильно думаешь, мой луч света! — нахмурилась Ваена. — По твоим пятам идёт слежка и смерть. Близится день, когда людское предсказание станет явью. И ты его приблизишь.

— Предсказание? — удивился Роберт, поднимая бровь.

— Странно, что ты о нём не слышал... — опустила взгляд Ваена. — Завтра ты всё поймёшь. Я не стану тебе ничего говорить, поскольку это чревато последствиями. Каждое моё слово может сулить великие перемены, не предначертанные Вселенной.

— Очень жаль... Как наша дочь? Ты чувствуешь её?

— Нет, — хмуро ответила Ваена, аккуратно ложась между цветами, — больше не чувствую.

— Но что это значит?!

Женщина приподнялась на локте, воротничок платья откинулся, оголяя аккуратное плечо. Она посмотрела в его глаза и, вдруг улыбнувшись, ответила:

— Она жива, не волнуйся!

Звонкий смех разлетелся над поляной, в нём слышалось дребезжание реки. Роберт расплылся в улыбке и прилёг рядом. Они вновь говорили, как и двадцать лет назад, мечтая и создавая радужные иллюзии того, чего больше никогда не будет, и в тот момент, когда Роберт почувствовал, что сон подкрался и окутал его тёплым одеялом, послышался голос Ваены:

— Роберт, проснись!

Монах раскрыл глаза. Вокруг стемнело. Он сидел на Балоуре, склонившись к его гриве. Перед ним простирался город Ас'Витан со своими белокаменными домиками, мощёными площадями, искусно возведёнными скульптурами и фонтанами. Двадцать пять лет назад здесь бурлили жизнь, радость, веселье. Всё запропастилось в один миг, оставив след на лице Эксилона. Ныне пустые тёмные улицы, освещаемые некогда мягким светом фонариков, казались пугающими.

Роберт спрыгнул с коня, перекидывая поводья через голову. Балоур вдруг стал упираться и всхрапывать, не желая входить в мёртвый город. Копыта яростно взрыхляли землю.

— Ты чего? — мягко спросил монах, поглаживая морду скакуна. — Тебе страшно... Мне тоже. Я боюсь видеть близких мне существ мёртвыми. Ладно, оставайся здесь, дальше я пойду один.

Конь словно понимающе посмотрел на хозяина, а затем, неспешно удалившись к опушке, принялся щипать сочную травку. Роберт пожал плечами, но обернувшись к городку, несколько замешкался. Он смотрел на узенькие улочки, расписные домики из белого камня, а также резные ставни дверей. Роберт не сразу заметил, что у въезда его вновь поджидают.

— Идём за мной, — произнесла нежным, но печальным голосом Ваена, протягивая руку.

— Надеюсь, я не сплю...

— Нет, не спишь. Я могу являться тебе наяву лишь недалеко от своего физического тела. Хотя

я изрядно истратила собственные силы. Пожалуй, меня хватит только на то, чтобы провести тебя к дверям.

— Ты писала, что наша дочь в Искарде, — начал он. — Аррия ещё там?

— В последний раз, когда я её видела — это было за день до моей смерти. Она бежала в Искард, однако я не уверена, что Аррия не сменила город, а может уже два.

Роберт вздохнул, ему очень не хотелось терять последние минуты на разговор о живых. Он хотел так много рассказать о своей жизни без неё, что попросту терялся в мыслях.

— Я... — замешкался Роберт. — Я вижу тебя в последний раз, и мне хочется знать, почему ты тогда избрала меня? Я знаю... да, я, по твоим словам, достоин, но почему именно я?

— Твоя судьба — она... — задумалась Ваена. — Ужасна. Мне очень жаль, что изменить её не в праве ни одно существо Эксилона. Но в твои руки, Роберт, возложен великий дар и только ты в силах исправить судьбы народов! И, к несчастью, мы пришли, — вздохнула она, останавливаясь у резной двери. Внутри тускло горел свет, но не от пламени лампадки.

Ваена, будто утренний туман, растворилась в воздухе, оставив после себя лишь лёгкую дымку. Роберт, чьё сердце бешено колотилось в груди, распахнул дверь, вздымая вверх образовавшимся сквозняком тысячи искорок-пылинок, паривших низко над полом. Они перемигивались, сверкали над его головой, медленно оседая вниз. Очевидно, они и давали тот самый тусклый свет.

Роберт ступал по устеленному на полу ковру, каждым шагом разгоняя в сторону искорки-пылинки. Они клубились у его сапог, ложились на них и тут же взлетали. Они обволакивали мирно лежавшее тело Ваены. Магия леса не давала ей завянуть, растворившись в такую же искрящуюся пыль.

Мужчина остановился у самой кровати, где лежала его возлюбленная. В душе образовалась не пустота, а пропасть. Он понимал, что больше никогда её не увидит. Осознавал, что путь в лес ему также закрыт, да и к чему теперь сюда возвращаться?

Роберт опустился на колени, прильнув губами к её холодному лбу. В горле стал ком, он чувствовал, как накатывает волна боли, страха, ненависти...

— Почему? — выдохнул он дрожащими губами. Глаза покраснели. — Я всегда знал, что умру раньше тебя. Я ждал этого... но как перевернулся мир без тебя!.. Кто я без тебя?!

Слёзы сорвались с голубых глаз, утопая в седой бороде. Он положил голову ей на руку и долгое время вздрагивал, рыдая. Причитая и целуя, он думал, что никогда не сможет оторваться от неё. Он обжигал себя воспоминаниями, несбывшимися мечтами. Он сожалел, что однажды ушёл в монастырь, бросив её одну... навсегда. Роберт понимал, что она та единственная половинка его души, которой уже никогда не будет. Часть его внутреннего мира погибла вместе с единственной любовью. Он долгое время держал её за руку, молча глядя на спокойное мертвенно бледное лицо. Поджимая губы и силясь что-то произнести, он издавал лишь хрипящие звуки из сдавленного горла.

Словно в мареве, он поднял её на руки, вышел из дома и, неторопливо пройдя по мёртвым улочкам, наконец остановился у Балоура, с интересом рассматривавшего ношу хозяина.

— Вези меня, — прохрипел Роберт, взобравшись на скакуна. — Мчись!

Конь сорвался с места. Он мчался среди деревьев, самостоятельно находя путь наружу. Словно заведённый, он нёсся быстрее ветра, свистевшего в его гриве, а Роберт лишь прижимался к обмякшему телу Ваены. Голова её будто у тряпичной куклы покачивалась в разные стороны в такт движениям коня. Роберт старался не думать о том, что в его руках покоится увянувший цветок, рождённый этим лесом.

Мужчина прижался к её неподвижному телу со всей нежностью, и как ни вовремя, но вскоре впереди показалась река. Мрак всё сильнее сгущался перед рассветом, а луны спрятались за грозowymi тучами. Балоур остановился у моста и, опустив голову, стал молча дожидаться хозяина.

Роберт спустился вниз к реке. Сверкнула молния. Он, аккуратно придерживая Ваену, возложил её на воду скоротечной Сини. Изумрудные волосы женщины вмиг намокли, утопая. Хлынул ливень. Он скрывал его слёзы.

Мужчина наклонился к её лицу, закрыл глаза, целуя её в губы.

— Я люблю тебя... — прошептал он, разжимая руки.

— Ты всё же вернулся? — удивлённо произнёс Метроат, оборачиваясь к наезднику. — Я всегда знал, что ты не отвернёшься от страждущих.

— По тебе не скажешь, что ты из страждущих, принц, — спускаясь с Балоура, произнёс Роберт.

— Мне безразлично твоё мнение, хан, — хладнокровно бросил принц, — страдает мой народ, а я с ним заодно!

Роберт пожал плечами, промолчав. Он лениво поднял взгляд красных глаз к небу, наблюдая за приближающимися огненными шарами. Они казались настолько далёкими, но в одночасье столь близкими, что невозможно было определить, когда небесные камни прорвут оболочку небосвода. Мужчина некоторое время смотрел в голубую даль, в то время как Метроат наблюдал за расстановкой таинственных светящихся камней у Вечного Древа.

Монах неторопливо перевёл взгляд на выступившие из земли гигантские корни, затем на широкий ствол дерева, напоминавшего обычный дуб, но с продолговатыми изумрудными листьями и белым цветом коры. Широкие ветви далеко раскинулись над землёй, накрывая весь холм непроницаемым куполом.

— Знаешь, хан, — начал принц, наблюдая за взглядом человека, — для тебя великая честь стоять у Ас'Леад. И поскольку моя сестра мертва, и тебя больше ничего с нами не связывает...

— Аррия — моя дочь, — вновь нарочно перебил Роберт, — она часть вашего леса. Связь между нами есть, даже больше, чем ранее.

— Не упоминай при мне о вашем отпрыске, — неторопливо со злостью проговорил Метроат.

— Мы не приветствуем предателей. И тем не менее, тебя с нами больше ничего не связывает.

Надеюсь, ты понимаешь, что я более не хочу лицезреть твою наглую физиономию в моём царстве, и как только мы свершим задуманное и я осыплю тебя человеческим золотом — ты уйдёшь!

Роберт молча кивнул, делано послушно опуская глаза. Принц, удовлетворённый ответом, с высокомерным видом ушёл к камням, контролируя точность установки, а монах решил, что стоит прогуляться по поляне, где он когда-то блуждал с возлюбленной.

Ему встречались игривые ручейки, плескавшиеся на камнях, огромные валуны, сваленные в одну кучу. За столько лет они срослись с землёй, кое-где пробивались цветы с белыми бутонами. Роберт шёл медленно, наслаждаясь звуками, запахами, видами. Он очень хотел хотя бы на секунду встретиться с Ваеной, но дух её ослаб и не мог контактировать с внешним миром.

Когда-то давно по этой поляне прогуливались десятки ас'гул, сейчас же не сосчитать и десяти. Весёлые и беззаботные лица омрачились грустью и печалью по родным и близким. Многие погибли от ужасной болезни, вызванной неким проклятием. Даже не нужно быть существом с силами, равными силам Роберта, чтобы видеть тот мрак, будто сизый туман витающий у подножия гор и опушек леса.

Мужчина остановился у невысокой леады, невесть как державшейся корнями за выступ над рекой. Он приложил руку к стволу дерева и, тихонько вздохнув, вспомнил, как давал клятву никогда не любить другую.

— Никогда... — прошептал он, поднимая взгляд к небесам, по которым плыли пышные облака, облитые ярко-алой краской заката. — Никогда и ни за что.

— Роберт, пора! — вдруг окликнул его один из стражников Метроата. Лицо его было скрыто маской и капюшоном камуфляжной мантии. — Небесные камни близко...